

HAL
open science

ОТ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЭФИОПИИ ДО МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКОВ: КАТ ПОД КОНТРОЛЕМ

Céline Lesourd

► **To cite this version:**

Céline Lesourd. ОТ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЭФИОПИИ ДО МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКОВ: КАТ ПОД КОНТРОЛЕМ. *Антропологии/Antropologie*, 2021, 31-48. <hal-03509448>

HAL Id: hal-03509448

<https://hal.science/hal-03509448v1>

Submitted on 25 Jan 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

© С. Лезур

ОТ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЭФИОПИИ ДО МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКОВ: КАТ ПОД КОНТРОЛЕМ

Ключевые слова: Эфиопия, Джибути, Сомалиленд, исса, оромо, сомали, амхара, харари, *catha edulis*, экспорт, глокализация, либерализация экономики, борьба с наркотиками, продовольственная безопасность.

Статья основана на полевых исследованиях автора, проводившихся в городах Дыре-Дауа, Аводай и Харар на востоке Эфиопии с ноября 2012 по июнь 2013 г., в феврале 2014 и апреле 2015 гг. Она посвящена тому, каким образом длинные маршруты распространения по миру растения кат (*catha edulis*) и препятствия на этих путях влияют на сектор его производства и сбыта. В центре нашего анализа – вопрос о социальных трансформациях, порождаемых глобализацией, в ходе которой этот вечнозеленый кустарник оказался связующим звеном между локальным и глобальным уровнями, между плантациями и прилавками. Кроме того, нам важно понять, какое влияние его выращивание и оборот оказывают на осуществление государственной власти на восточных окраинах страны.

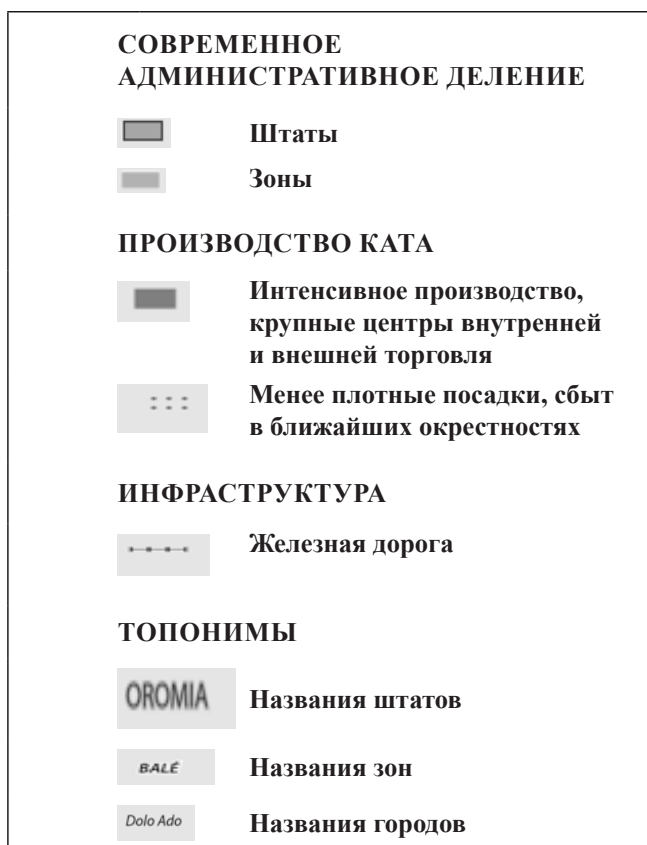
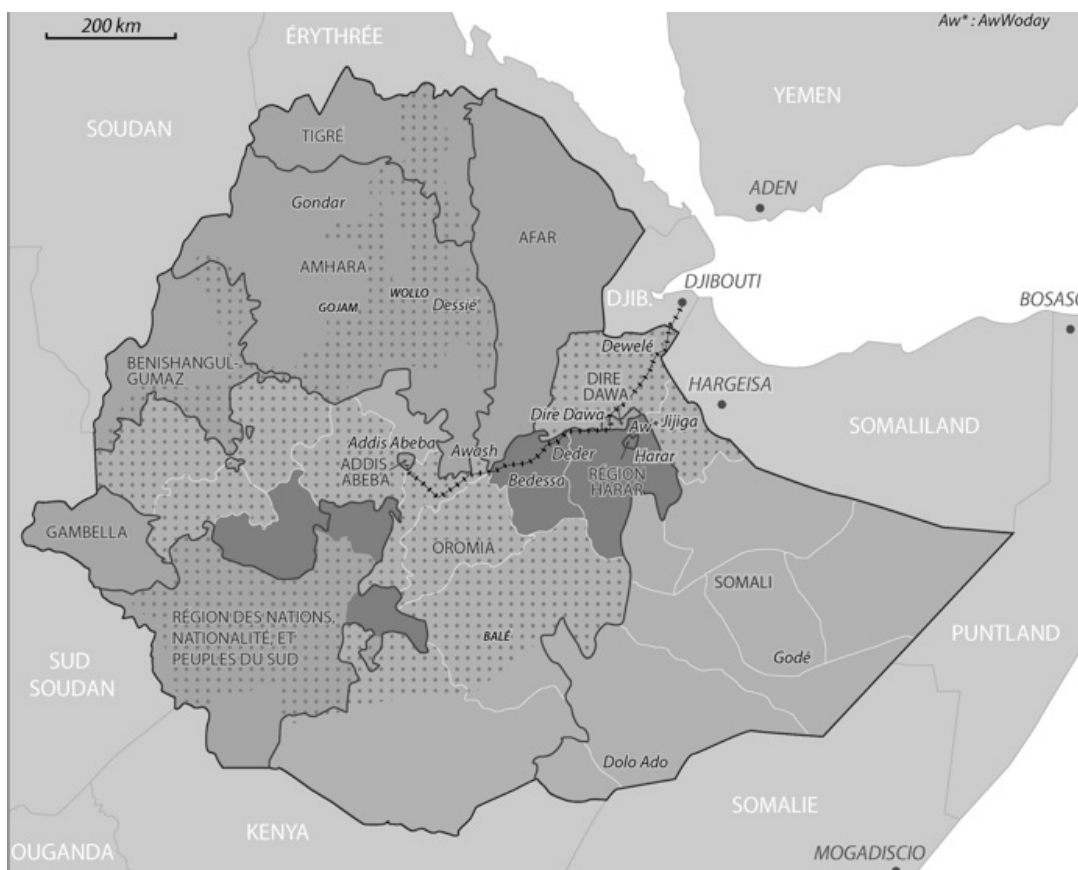
Вплоть до начала 1990-х гг. потребление листьев эфиопского ката¹ в основном ограничивалось ареалом его естественного распространения на востоке страны (нынешняя провинция Харари, до 1994 г. – Харэрге), а также государствами Африканского рога (Сомали, Джибути)². В этот период обычай жевать кат для получения стимулирующего эффекта был распространен среди харари, оромо и сомали, в большинстве своем мусульман³. Затем “листья Аллаха”⁴ постепенно распространились за пределы традиционного для них географического и конфессионального ареала: на запад, север и юг Эфиопии и стали транскультурным элементом (*Gebissa* 2004, 2010b); сегодня в стране численность потенциальных потребителей ката оценивается в 14 млн чел., или около 15% населения Эфиопии (*Haile, Lakew* 2015) – мусульман и православных христиан, преимущественно мужчин (хотя в последнее время к жеванию листьев приобщаются и женщины), среди которых становится все больше и больше молодежи. Кстати, именно молодежь сыграла важнейшую роль в распространении ката в 1970-х–1990-х гг. (*Gebissa* 2004; *Mains* 2010). В 1990х гг. местное растение становится глобальным товаром, массово (и легально) экспортируемым сначала на региональном уровне – в Сомали и Джибути, а затем и на мировом: в Китай, США, Великобританию, Австралию, куда оно попадает вслед за мигрантами из Сомали, Эфиопии, Джибути и Йемена⁵.

Ускорение международного оборота продукта влечет за собой неизбежные последствия на местном уровне: деньги льются рекой, производство взмывает вверх, религиозные и общинные идентичности поляризуются вокруг ката, а государство хочет контролировать мощные финансовые потоки. Еще одним последствием стало законодательное запрещение многими странами ввоза ката на свою территорию, превращающее его, при пересечении границы, в “африканский наркотик”⁶; таким образом с 2013 г. потребители в Нидерландах и с 2014 г. – в Великобритании лишились легальных поставок продукта.

Культивирование ката перестало удовлетворять исключительно нуждам внутреннего рынка, как это было на протяжении долгого времени, а резко возросший уровень его потребления привел к взрывному росту производства: в 1954 г. *catha edulis* выращивали на площади 3 тыс. 705 га, а в 2014 г. под этой культурой было занято уже 248 тыс. 964 га (Agricultural 2014–2015). Таким образом, за 60 лет посевные площади увеличились в 30 раз. Значительно выросло и число производителей. Мы покажем, как выращивают кат и каким образом эта культура смогла вытеснить другие – в частности, кофе, вопреки национальной и международной аграрной политике, не занимающейся *catha edulis*. Учитывая, что эфиопские деревни находятся под жестким экономическим и политическим государственным контролем, есть основания удивиться такому (неконтролируемому?) пристрастию производителей к этой культуре, гарантирующей им, помимо финансовой безопасности, некоторую независимость. (Rahmato 2011; Lefort 2007, 2011; Planel 2014).

Далее сбыт ката вовлекает в процесс самую разнородную рабочую силу. Перевозчики, посредники, дегустаторы, упаковщики, носильщики, весовщики и т.п., а также оптовики, торговцы, экспортеры составляют вместе с крестьянами так называемый “демократический” сектор (в отличие от кофейного сектора, известного как “аристократический”, где несколько негодантов держат в своих руках весь рынок, цены на котором индексируются на международных биржах). Эта атомизированная структура, кажется, позволяет каждому найти свою нишу, помогает выживать и даже богатеть, что обеспечивает определенную социальную стабильность, “поскольку все сыты”. Однако следует отметить, что никакая гегемония не может возникнуть без покровительства центральной власти, поскольку деньги, которые приносит дающая наибольшую выгоду международная торговля, являются основной ставкой в борьбе между разными уровнями администрации, где государство стремится доминировать, адаптируя для этого свои стратегии на различных географических направлениях: “приватизацию” в торговле с Джибути; поддержку монополии частника с целью “убить конкуренцию” в торговле с Сомали; использование международных запретов с целью отвадить мелких экспортеров от торговли с остальным миром; все это делается на фоне поощрения лояльности к партии власти – Революционно-демократическому фронту эфиопских народов (РДФЭН) – и этнизации экономического соперничества между игроками “демократического” сектора. Таким образом, этнофедеральное государство стремится контролировать ценный ресурс и в целом территорию непокорных регионов скорее в сфере торговли, чем в сфере производства.

Производство и сбыт ката в Эфиопии

Источник: *Lemessa* 2001: 5.

Маневренная культура?

Огромное увеличение производственных площадей, на которых выращивается кат, имело место во многих районах Эфиопии, но главным образом – в провинции Харари, исторической колыбели кустарника, и шире – во всем административном регионе Оромия, где концентрируется 3/5 площадей, занятых этой культурой в стране. Такие действия крестьян, противоречащие как государственной аграрной политике, ориентированной на развитие, так и международным предписаниям, сочетающим цели борьбы с наркотиками и обеспечения продовольственной безопасности, ставят вопрос о реальных стратегиях и возможностях государственного контроля этой периферийной территории.

Легко производить. Регион Харари обладает идеальными природно-климатическим условиями для выращивания ката: высота (между 1500 и 2000 м), температуры от 16°C до 30°C, среднее количество осадков (от 800 до 1000 мм за несколько месяцев) и хорошо дренированные почвы. Культивируемый террасным способом, в совместных посадках, на очень маленьких участках, *catha edulis* размножается черенкованием: черенок длиной около 30 см закапывается в землю горизонтально в сезон дождей (если на участке нет искусственного орошения). Затем его нужно защитить от скота и от воров и подождать как минимум четыре года, чтобы кустик превратился в зрелое растение высотой от полутора до трех метров, после чего в течение пятидесяти лет с него можно снимать урожай:

(...) среди кустов я сажаю лук, сорго для семейного потребления; другие фермеры сажают зерновые или картофель, третьи выращивают кофе (...) В качестве удобрений мы предпочитаем содержимое сточных канав, которое привозят цистернами (...) я не хочу использовать химикаты, с ними куст дает меньше листьев (Лулу, производитель ката).

Период сбора большинства сортов ката (тех, которые требуют больше всего воды) приходится на сезоны дождей: первый – сезон “малых дождей” в феврале-марте, второй, гораздо более длинный и наиболее удачный, длится с конца июня до конца сентября. (...) Чтобы иметь урожай круглый год, нужно по возможности сажать несколько сортов. Люди жуют много ката, а из-за экспорта цены на него выросли, потому что выросла потребность. Все хотя кат, все время (...), поэтому мы все его производим. Это тяжелая работа, нужна вода, нужны рабочие руки, это все дорого, но если продаешь его круглый год, это дает регулярный доход (Дино, производитель ката).

Таким образом, крестьяне прибегают к различным стратегиям (выбор сортов, приспособленных к различным почвам, использование ирригации), позволяющим им получать несколько урожаев в год. В результате на местный и международные рынки круглый год поступают свежие зеленые ветки ката⁷. В качестве ориентира укажем, что в 1980 г. производство ката оценивалось в 50 тонн; в 2002 оно выросло до 800 000 тонн, что равнозначно годовому производству хлопка в Буркина Фасо или в два раза больше годового производства салата-латука во Франции.

Каждый день на сборе урожая занято большое количество мужчин и подростков, причем собирать кат нужно непременно до восхода солнца, работая очень быстро, чтобы как можно раньше попасть с товаром на рынок: содержащиеся в листьях алкалоиды разлагаются менее чем за 48 часов, поэтому свежесть продукта является основным фактором, определяющим его цену. Чтобы преодолеть эти временные ограничения, а также сделать продукцию менее заметной, замаскировав ее под “чай” или “хну”, некоторые производители выращивают более грубые сорта, которые превращают в порошок, называемый гогома.

(...) Как делают гогома (...) Они [дети 5–10 лет] собирают не ветки, а листья, листочек к листочку. Потом я сушу их (...) в комнате с жестяной крышей и фанерным подкосом. На каждую полку кладу 5–6 кг листьев, сверху накрываю их мешковиной (...) раз или два в день нужно подняться по лестнице и поворошить листья на полках (...) Потом я нанимаю женщин, чтобы перебрать кат, выбрать листья почерневшие, или слишком желтые, плохо высушенные или обгорелые. Я им плачу за килограмм (...) Я делаю гогома из своего урожая, а когда у меня есть деньги, покупаю сырье у других, сушу его и потом отправляю по почте небольшими пакетами (Дино, производитель и экспортер)

Таким образом мы видим, что культура *catha edulis* при условии применения разнообразных индивидуальных стратегий позволяет получать деньги от ее реализации, в зависимости от рыночного спроса, два, а то и больше раз в год; вопреки стереотипам, эти стратегии свидетельствуют о желании крестьян не переходить на монокультуру, но, напротив, сохранить ее совместные посадки с продукцией повседневного спроса, в которую входят картофель, сорго, кукуруза и лук, иными словами, продолжать обеспечивать себя продовольствием и одновременно получать доход. Для бедного крестьянства выращивание ката означает надежду выйти за рамки сельскохозяйственной политики, установленной государством.

Выручает в трудных обстоятельствах. В 1887 г. император Менелик завоевал мусульманский город Харар и раздал земли вокруг своим чиновникам, а также переселенным с севера страны на вновь покоренные территории амхара. Это завоевание нанесло тяжелый удар по прежнему населению региона – харари, которые, согласно некоторым источникам, утратили монополию на выращивание ката: их соседи оромо, до тех пор державшиеся в стороне, получили доступ к культуре⁸. Военное поражение и последовавшая за ним оккупация привели также к постепенной парцелляции крестьянских земель, что вынудило земледельцев расчищать пустоши, выкорчевывать кустарник, сократить до минимума время под паром. Уменьшилось поголовье скота, плодородность земель критически ухудшилась. Чтобы выжить в условиях малоземелья, с конца 1940-х гг. крестьяне-оромо пожертвовали своими посадками сорго и кукурузы (среди которых находилось место для одного-двух кустиков ката, предназначенного для личного потребления и изредка для экспорта в Йемен) в пользу культуры, считавшейся тогда наиболее рентабельной, а именно кофе. Это продолжалось до начала 1960-х гг., т.е. до очередного обвала цен на арабику. Именно в этот момент произошло первое заметное увеличение производства ката, цены на который, зависящие только от местного рынка, гарантировали стабильность.

После свержения в 1974 г. Хайле Селассие и установления режима Временного военно-административного совета (Дерг) “ все сельскохозяйственные земли стали коллективной собственностью эфиопского народа” (Lefort 1981: 130), однако из-за мощного демографического давления эта аграрная реформа не привела к существенному увеличению площади земельных участков у каждой семьи. К тому же излишне зарегулированная экономика фиксирует на самом низком уровне цены на любую сельскохозяйственную продукцию, включая кофе. В ответ крестьяне начинают выращивать больше ката, по-прежнему считающегося более доходным. В этот период площадь кофейных плантаций сокращается с 6,6% до 4,4% всех сельскохозяйственных площадей, а площади, занятые катом, увеличиваются вдвое – с 6,6% до 13% культивируемых земель.

Наконец, в 1984 г. в Эфиопии разразился голод, что привело к появлению на местном рынке – в виде гуманитарной помощи или контрабанды – продуктов питания (макарон, риса) и рикошетом повлекло за собой отказ от выращивания продовольственных культур для домашнего потребления. На освободившихся площадях крестьяне стали сажать кат для продажи на внутреннем рынке и на экспорт.

После падения режима Дерг и прихода к власти Мелеса Зенауи в 1991 г. национализация земель и либерализация экономики создали условия для новой инвестиционной политики, в центр которой было помещено сельское хозяйство как двигатель развития страны. Во имя этой амбициозной цели земля, согласно принятой в 1995 г. конституции, осталась общенародной и национальной собственностью, но поставленные экономические задачи не учитывали “неопределенность статуса владения, нехватку земли и фрагментацию участков, закрепленных за домашними хозяйствами, снижение продуктивности и деградацию почв” (*Rahmato* 2009: 302). Хотя пользование землей бесплатно, и государство, в теории, гарантирует защиту от “экспроприаций” – в рамках своих экономических интересов, приводящих к сдаче в аренду миллионов гектаров иностранным инвесторам, – огромное большинство эфиопских крестьян живет в бедности и неуверенности в завтрашнем дне, треть хозяйств в сельской местности отнесены к малоимущим. Цитировавшийся выше автор считает, что “сельское хозяйство Эфиопии исчерпало свой потенциал” (*Rahmato* 2009: 302) и не может гарантировать продовольственное самообеспечение.

В этом контексте сворачивания сельскохозяйственного производства на фоне снижения рентабельности кофе (*Planel* 2008: 316), по мере падения цен на него с 13 эфиопских бырров⁹ за килограмм в 1997–1998 гг. до 8 в 2001–2002 гг., очень многие производители делают выбор в пользу “веселящих веток”, ставших синонимом наличных денег. Для уязвимого и неуверенного в завтрашнем дне местного крестьянства это своего рода безопасная ставка: растение неприхотливо, устойчиво к засухе и не требует много воды для полива, выращивается совместно с основными продовольственными культурами, хорошо продается и обеспечивает регулярный доход. Исследования показывают, что от 50 до 80% доходов крестьян в провинции Харари приходится на *catha edulis*, который куда лучше, чем кофе, дает им возможность питаться, одеваться, отправлять детей в школу, в целом иметь более высокое качество жизни (*Laxman* 2014, *Gebissa* 2008). Действительно, если “кофейная ферма” приносит около 11 тыс. бырров в год, то производитель ката получает около 23 тыс. (*Anderson et al.* 2007). Средний урожай ката в регионе составляет тысячу кг с га, а цены на него не перестают расти (в начале 1980-х гг. за килограмм давали 20 бырров, в 1990 г. – 33, а в 2004 уже 96 бырров). Стратегический выбор крестьян вполне понятен.

Таким образом, на плантациях ката действует и обогащается много разных людей, что заставляет усомниться в возможности центральной власти строго регулировать жизнь села с целью как экономического развития, так и политического контроля. Все это далеко от «демократического государства», несмотря на политические заявления, пропагандирующие экономический «либерализм» как двигатель демократии (*Bayart* 2008; *Ayenew* 2014; *Yeibyio* 2014; *Bach*, 2011; *Abbink, Hagmann* 2013).

Кат и аграрная политика государства

В сельской местности национальным целям аграрной модернизации – в частности, увеличению продуктивности зерновых в соответствии с потребностями рынка и новым пониманием продовольственного самообеспечения (на национальном, а не на индивидуальном уровне) – служит государственная политика, опирающаяся на многочисленные человеческие и технические стимулы и запреты. Среди них, например, “раздача удобрений и улучшенного посевного материала” (*Planel* 2012). Эти меры направлены не только на повышение сельскохозяйственной продуктивности, но и на контроль над территориями и управление людьми с помощью чрезвычайно плотной административной сети. Крестьяне, применяющие прогрессивные сель-

скохозяйственные методы, считаются заслуживающими государственной поддержки, особенно если они связаны с партией. Это отличает их от “бедных” крестьян, фактически объявляемых ничемными и контролируемых с помощью так называемых рычагов политики развития, загоняющих крестьян в долги и вынуждающих их вступать в местные политические организации ради получения помощи (Planel 2012, 2016).

Производители ката на востоке Эфиопии оказываются вне этой командно-административной пирамиды: они не пользуются возможностями государственных программ и не получают помощи, поскольку кат не относится к стратегическим продовольственным культурам, и гектары, на которых он выращивается по соседству с культурами, предназначенными для семейного потребления, оказываются потерянными для целей национального продовольственного самообеспечения. Занимая пахотные земли и отвлекая крестьян от выполнения задач развития, поставленных государством, кат, кроме того, вызывает гнев международных фондов: чем больше он распространяется, тем больше международное общественное мнение возмущается тем, что в высшей степени благородной цели “продовольственной безопасности” угрожает дьявольский “наркотик кат”¹⁰. Нарушающий национальные и интернациональные запреты, кат мог бы подвергнуться искоренению, тем более, что такие прецеденты уже бывали – правда, закончились они ничем¹¹. Тем не менее, культура ката процветает не только в своем исходном ареале, но и в других регионах страны. Государство не финансирует и не организует его производство, но мирится с ним. Ката как бы не существует – но он существует. Доходы, которые он приносит, облагаются налогом с продаж (как на местном, так и на международном рынках), который идет в основном в бюджет государства и лишь отчасти – в бюджеты регионов/штатов. Государство не регулирует производство ката, но регулирует с помощью фискальных инструментов его оборот.

(...) Мы покупаем кат в Дыре-Дауа, Бэдесе, Аводае – это зависит от нужного количества. У нас там, на местах, есть посредники – *dalalas*, которые договариваются с крестьянами, покупают у них и потом продают нам, имея с этого хорошие комиссионные – именно они больше всех выигрывают от этого бизнеса. Вот уже лет пять как между Бэдессой и Дыре-Дауа нет [официальных] блокпостов для экспортеров: для нас это было потерей времени и денег, потому что с катом нужно действовать быстро, чтобы он был свежим, иначе цена его падает. И к тому же нужно было платить за этот участок дороги по 6 бырров с килограмма, а это немалая сумма (...). Государственные аудиторы оценивают годовую выручку, и с нее мы платим налог на прибыль в федеральный бюджет – в нашем случае это 30%. Если выручки нет, то и налога нет. (...) Да, такое бывает! Если Джибутийская компания импорта ката (SODJIK) устанавливает слишком низкие цены, ниже реальных закупочных цен (так случается, когда кат очень дорог перед началом сезона дождей, если дожди никак не начинаются). Тогда бывает, что мы работаем себе в убыток в течение нескольких дней и даже недель (Идрис, председатель экспортной компании “Кулмие”).

Так, в 2003–2004 гг. налоги на экспорт и международную торговлю принесли в госбюджет 759 млн бырров, или 31 млн евро (Dessie 2013: 14); в 2010 г. доля ката составила 10% национального экспорта, в денежном выражении – 200 млн евро. Иногда кат называют второй статьей эфиопского экспорта после кофе. В 2003 г. он обеспечил 60% бюджета федерального города Дыре-Дауа – в частности, за счет дорожных пошлин (*ibid.*), не считая налогов, которыми облагаются сами торговцы (налог на прибыль, дорожные сборы...). Следует подчеркнуть, однако, что официальные данные относительно ката (площади и объем производства, местные налоги, данные об объемах экспорта и его доходности) то появляются, то исчезают в разные годы в разных документах. Кат существует – но и не существует.

Все это в эфиопском контексте с его растущей централизацией все более авторитарной власти, где “государство” работает, в глазах местного населения и международного сообщества, на сохранение контроля над ресурсами и удержание в своих руках экономических рычагов, должно удивлять. Удивительна столь ненавязчивая опека властей, которые, кажется, не имеют прямого влияния на плантации ката – ни на увеличение площадей, отводимых на эту культуру, ни на производство. Удивительно, что государство не является хозяином ценного ресурса и – с определенной точки зрения – “своих” земель. Удивительно также, что у властей есть возможность искоренить кат, но... они ничего для этого не делают. Удивительно, наконец, что, несмотря на то, что кат как бы не существует, он тщательно облагается налогами, хотя данные о его производстве и продаже могут быть далеки от реальности. Во всем этом нагромождении странностей нам видится слабость, а то и несостоятельность эфиопского государства, сильной стороной которого является государственный капитализм, а его Ахилловой пятой – необходимость прибегать к принуждению для обеспечения собственной устойчивости. Поэтому, не имея возможности искоренить кат или взять под контроль его плантации, режим изобретает стратегии, позволяющие держать в своих руках торговлю этим ресурсом, т.е. деньги от его продажи, и тем самым контролировать производящий регион.

Как государство контролирует экспорт

Если бы я мог, я бы сжег все плантации ката в регионе. Люди восстали бы. Сегодня мелкая прибыль усыпляет крестьян, (...) вот они и не бунтуют. Средний класс сыт благодаря деньгам от продажи ката, а когда люди сыты, их не поднимаешь. Невозможны ни восстание, ни протест. Власть может делать все, что хочет, народ все примет. Кат – это сила оромо, но он же – их самая большая слабость (Аюб, потребитель).

Поскольку считается, что он выгоден всем, сектор производства и продажи ката часто называют “демократическим”. Он не порождает доминирования или зависимости крестьян от крупных торговцев. Кроме того, занятие катом не требует особых затрат: черенки растений, немного воды, никакого оборудования, магазинов, маркетинга... Всем выгодно, конечно, но некоторым выгоднее, чем другим, о чем свидетельствует реструктуризация экспорта, где концентрируется основная прибыль. “Приватизация” и поддержка крупного частного монополиста, связанного с правящей партией РДФЭН¹², целая череда запретов, вызванных войной с наркотиками, и создание контрабандистских сетей на базе общей идентичности, борьба за власть на различных уровнях – все это дает представление об авторитарных методах центрального руководства на восточных окраинах страны.

Экспорт в Джибути: ставка на приватизацию. Одно из основных направлений экспорта эфиопского ката – Джибути. При режиме Дерг монополия на экспорт принадлежала государству в лице “Эфиопской компании по импорту и экспорту ката и агропромышленных товаров”, переименованной в 1988 г. в “Эфиопскую ассоциацию экспортеров ката” (ЕСЕА, или “Эфиокат”), которая экспортировала, по некоторым данным, до 10 т ката в день. Его перевозили в опломбированных вагонах и под охраной по железной дороге из Дыре-Дауа в Джибути. На других поездах кат перевозили контрабандой, причем занимались этим в основном женщины. Они везли за границу ветви и листья и возвращались обратно с товарами повседневного спроса (см. подробнее о контрабандистах: *Lesourd 2019, 2021*).

В утренних поездах ездили в основном женщины, я бы сказал, процентов 80 женщин, главным образом исса и орома; [...] никто не мешал им делать свой бизнес, все в этом участвовали и все от этого выигрывали. Без контрабанды Дыре-Дауа не выжил бы (Жозеф, бывший железнодорожник).

После свержения Менгисту, в 1990 г., в ходе “либерализации” экономики экспортная цепочка реструктурировалась¹³ вокруг четырех частных предприятий: наряду с традиционным игроком “Эфиокат” появились компании “Бервако” (создана в 1990 г. и имеет экспортную квоту в 980 кг в день); “Бифту” (с 1994 г., дневная квота 2500 кг) и “Кулмие” (создана в 1997 г., имеет право экспортировать ежедневно 758 кг ката). Наряду с этими крупными компаниями существуют частные лицензии на экспорт, предназначенные для индивидуальных предпринимателей. Весь экспорт идет через Джибутийскую компанию импорта ката (SODJIK), которая устанавливает единую закупочную цену (очень низкую) и свои дневные квоты: пять тонн в день (Banque mondiale 2011)¹⁴.

Чтобы пресечь контрабанду, государство применяет различные меры – от усиленного военно-технического наблюдения до поощрения доносов. Одной из самых действенных мер было прекращение железнодорожного сообщения между Дыре-Дауа и Джибути в 2010 г. Контрабандистам пришлось переориентироваться на автодорогу, что означало необходимость покупки или аренды машин или поиска перевозчика. К этим расходам прибавились поборы на блокпостах и иные “договоренности”. Вся эта организация оказалась куда более дорогостоящей, чем поездка на поезде в одиночку, что заставило многих – и в первую очередь женщин – отказаться от экспорта и перейти на внутренний рынок. Тем не менее, по словам торговцев, тайный оборот ката продолжается и составляет около трех тонн ежедневно. Объем существенный, но все же маргинальный в сравнении с официальными поставками. Организовывая свои собственные трансграничные структуры, государство не столько борется с контрабандой, сколько выбивает почву из-под ног у множества мелких контрабандистов, которых было бы труднее выявить и обложить налогами, чем тех, у кого есть “витрина”.

Тем временем растет недовольство такой “приватизацией” сектора, которая выгодна государству, а точнее – правящей партии РДФЭН. Так, утверждают, что стоящие во главе Бифту (государственной компании, имеющей самые большие экспортные квоты) двое мажоритарных акционеров – члены Демократической организации народов оромо (ДОНО), бывшие министры: один – водных ресурсов, другой – промышленности и торговли. Мажоритарным акционером “Бифту” является также *Dinsho Public Limited Company*, компания, считающаяся основным поставщиком средств для ДОНО (Tronvoll, Vaughan 2003: 77) и входящая в известный Благотворительный фонд реабилитации Тыграя (EFFORT), в составе которого – крупнейшие предприятия страны, аффилированные с властью.

“Бифту” возглавляют бывшие министры, ребята из ДОНО [...] Президент “Бифту”, как и “Эфиоката”, фигура сменяемая. Иногда этот пост занимает исса, реже амхара, и часто это оромо [...] По уставу президента выбирает совет общества, но на самом деле это политическое решение, и его принимает премьер-министр. [...] Он назначает кого-то из оромо, члена партии, в знак вознаграждения (Аюб, потребитель, разговор в мабразе¹⁵)

Эти экономические маневры позволяют центральной власти оставаться в центре политической жизни региона. К тому же, как следует из приведенной выше цитаты, компании создаются по этническому принципу. Так, “Бифту” имеет печать «оромо», тогда как “Кулмие”, “Бервако” и “Эфиокат” считаются компаниями сомалийцев из клана исса. Таким образом, в этом экономическом и политическом структурировании сектора снова возникает вопрос о вытеснении оромо сомалийцами, мы еще вернемся к нему.

Экспорт в Сомали: альянс с монополистом. Шуура¹⁶ живет между Джиджигой и Дыре-Дауа и возглавляет знаменитую компанию “571”, монополизировавшую продажу и распространение ката во всем эфиопском регионе Сомали. За его пределы, в Сомалиленд, она

экспортирует¹⁷, по оценке наших информаторов, около 60 тонн ката ежедневно, что составляет 2/3 всего экспорта в этом направлении. Французская пресса называет ее “королевой ката” (Hedemann 2016).

Меня только что признали женщиной года в бизнесе. И сразу после этого правительство не постеснялось прислать мне счет за налоговую задолженность на сумму 48 млн бырров (1,8млн евро). Ну ничего, мы найдем выход. У меня хорошие отношения с премьер-министром (Шуура Исмагил Хан, цит. по Hedemann 2016).

Переняв ремесло от своей матери, продавщицы ката, Шуура быстро расширила свой бизнес, сформировав сеть потребителей: сначала она отправляла товар в ближайшие к Джиджиге деревни и в соседний Сомалиленд, за 80 км, потом начала снабжать весь регион Сомали с помощью грузовиков, принадлежащих членам ее клана. Первоначально ее сеть поставок распространялась на сомалийский клан Исаак, а более конкретно – суб-кланы ее отца (Иданкале) и матери (Бартире):

В ее клане, в регионе Сомали, мужчины употребляли только ее кат, и не только клан ее отца – нет, весь клан Исаак хотел только ее кат [...] А этот клан – большие любители ката, к тому же люди расточительные, готовые выложить любую сумму. Их не заботит завтрашний день, им важно, чтобы сегодня был кат (разговор в мабразе)

После первого развода, хорошо обеспеченная материально, Шуура вложила средства в приобретение нескольких грузовиков японской марки Исудзу (очень популярной в Эфиопии), чтобы гарантировать независимость поставок. В этот же период она заключила второй брак с сомалийцем из клана Исаак. М., ее второй муж, – бизнесмен из Харгейсы (столицы Сомалиленда) – специализировался на импорте и распространении ката... В Дыре-Дауа все уверены, что это был не просто брачный союз, но союз двух крупных предпринимателей, результатом которого стало рождение компании “571”. В Эфиопии Шуура обеспечивает закупки товара у крестьян:

Это она контролирует кат, так как она контролирует производителей. Я продаю свой кат ей и ее посредникам, и никому больше, поскольку они тут повсюду, в каждой деревне, и они дают лучшую цену, чем другие – чем Бифту и все прочие (С., производитель ката).

Ветки, закупленные в деревнях, отправляются в Джиджигу, где их связывают в букеты, готовые к продаже. Половина их идет в регион Сомали – зону ответственности Шууры, остальное – в Харгейсу, зону ее мужа, который затем наводняет товаром остальную территорию Сомалиленда и часть Пунтленда. Из Джиджиги каждый день разъезжаются по всему региону 25 восьмитонных грузовиков. Рентабельность бизнеса столь высока, что для ускорения доставки “571” приобрела два самолета компании “Антонов”, на бортах которых синим по белому начертано имя Шуура. Ежедневно оба они, нагруженные катом, отправляются из аэропорта приписки – Дыре-Дауа: один в Годе, другой в Доло Адо¹⁸.

“571” – главенствующий бренд в регионе. Этот успех компании связан, конечно, с ее стратегическим положением по обе стороны границы и присутствием в обеих сферах – производства и продажи, но нужно подчеркнуть, что такое процветание было бы невозможно без поддержки со стороны властей. Не имея возможности установить официальные отношения с непризнанным государством Сомалиленд – как это имеет место с Джибути – государство, похоже, сделало ставку на поддержку различными способами частной компании.

Лет десять назад у касс Эфиопских авиалиний [в Дыре-Дауа] каждый день собиралась очередь (...) из торговцев клана Исаак, живущих в Годе (...) Они были готовы оплатить

авиабилет любому, кто согласится перевезти туда их кат (...) Некоторые из этих женщин сами летали, но им нужно было завтра или послезавтра возвращаться в Дыре-Дауа, чтобы к утру попасть в Аводай... поэтому лучшим выходом для них было договориться с пассажирами и заплатить им. В то время билет стоил недорого, около тысячи бырров, и каждый день в Годе поступал свежий кат. Потом Эфиопские авиалинии ввели новое правило: купить билет из Дыре-Дауа в Годе могли только те, кто официально жили в Дыре-Дауа. Нет сомнений: это было сделано специально, чтобы помешать женщинам вести свой бизнес. Поэтому очень быстро члены клана Исаак наладили торговлю фальшивыми документами, которые изготавливались в сомалийском квартале. У многих торговцев появились вторые удостоверения личности, и они возобновили свое занятие. Однако Шуура Исмагил не уступила: она перенаправила в Годе все свои грузовики, полные перwokлассного ката, и продавала его по очень низким, бросовым ценам в течение нескольких недель. У женщин, привозивших кат самолетом, больше не было покупателей... люди больше не хотели его. Их коммерция задохнулась, а Шуура вышла победительницей (С., потребитель).

Близость к власти позволяет компании, лояльной партии, сдерживать появление потенциальных конкурентов. По словам одного из наших собеседников, “конкуренцию она убила”.

В торговле с Сомалилендом, как и с Джибути, транснациональная компетенция так называемых сомалийских групп в сочетании с амбициями центральной власти орудовать на местном уровне, похоже, сыграла на руку некоторым. За счет других.

Международный экспорт: регулирование с помощью запретов. Помимо стран Африканского рога оборот ката повторяет очертания эфиопской, сомалийской, джибутийской, кенийской и йеменской диаспор. Несмотря на запреты, экспорт продолжается. Торговцам из Дыре-Дауа, привыкшим перевозить кат в чемоданах, сдаваемых в багаж, прямыми авиарейсами, приходится теперь обманывать бдительность служащих аэропорта, организовывая сложные маршруты: например, из Аддис-Абебы в США через Дакар. Это хлопотное дело: с одной стороны, нужно уложиться в отведенное время, поскольку растение теряет стимулирующий эффект в течение 48 часов; с другой стороны, нужно найти перевозчиков, если не хочешь рисковать сам. Во время одной из полицейских операций из багажа 13 пассажиров одного рейса, возвращавшихся в Мельбурн из Эфиопии, изъяли 735 кг ката ... (Spooner 2015).

“В США мы жуем кат по субботам и воскресеньям. Его ежедневно доставляет FEDEX”, – рассказывает Мухтар, живущий в Миннесоте. Доставка почтой – на сегодня самый надежный вариант, хотя осторожность заставляет и здесь искать обходные пути: например, отправлять посылки в Нью-Йорк через Бельгию, часто меняя адресатов. Те, кому позволяют средства, пользуются услугами UPS/FEDEX, но не имеют возможности ни застраховать отправление, ни отслеживать его через интернет, чтобы не подвергать риску адресата. Без такой возможности – которая существовала, пока импорт был легальным – отправитель рискует быть обманутым своим партнером, поскольку тот может заявить, что посылка потеряна.

Некоторые продавцы, как уже было сказано, предпочитают превращать листья в порошок (*gogoma*) и расфасовывать по пакетикам с этикетками “чай” или “хна”, которые потом также отправляются по почте окольными путями. Такой способ менее затратный, риск конфискации товара не так высок, а выгода, хоть и более скромная, зато более надежная.

По мере усиления механизмов контроля торговцам все чаще приходится хитрить и выкручиваться, чтобы остаться на рынке, а это требует денег и связей:

[...] до 2014 г. нужно было приходиться к открытию [на почту], даже раньше [...] По 5 тонн отправлялось каждый месяц в Китай, Гуанчжоу, Гонконг. Сейчас – 200–300 кг в не-

делю максимум. Нужно сначала проверить, убедиться, куда ты отправляешь свой кат [...] Нужно искать новые направления, все время менять маршруты. Это рискованно (Д., экспортер; Дино, производитель и экспортер)

Растущие риски и затраты вынуждают многих бросить торговлю катом. Препятствия, возникающие при переходе с локального на глобальный уровень, трансформируют пул экспортеров и возрождают неравенство возможностей между сомали и оромо, поскольку первые имеют большую диаспору по всему миру. «Я бы хотел заниматься экспортом, но нужно найти надежного партнера, которому можно доверять, нужно быть сомали, а я вырос среди оромо. Поэтому я оставил эту затею», – объясняет Омар, мелкий торговец.

Это их [оромо] растение, но это мы вывели его за пределы страны, мы рассылаем его по всему миру. Кат – это деньги, много денег, он приносит большой доход, но не благодаря торговле оромо [...] Они продают несколько тонн здесь [в Эфиопии], но именно экспорт делает кат по-настоящему ценным, чем больше его идет на экспорт – тем выше цена (разговор в мабразе, январь 2013 г.).

Таким образом, если на восточных границах, в Сомалиленде и Джибути, государству удастся сдерживать рост числа игроков на рынке ката с помощью приближенных к нему компаний, конкурировать с которыми трудно, то на международном рынке эту сдерживающую роль играют регулирующие запреты. В итоге и здесь прибыль концентрируется в руках немногих хорошо известных, контролируемых и облагаемых налогом коммерсантов.

В результате социальных трансформаций, порождаемых глокализацией (*Swyngedouw* 2004; *Planel, Jaglin* 2014; *Planel, Bridonneau* 2015), растение *catha edulis* оказалось связующим звеном между локальным и глобальным уровнями, между плантациями и прилавками. За счет массового распространения ката в самой Эфиопии, странах Африканского рога и – вскоре нелегально – далеко за его пределами цены на него взлетели до небес. Этот вечнозеленый кустарник кормит крестьян, посредников, торговцев, женщин и мужчин, предпринимателей, перевозчиков, целую армию безвестных тружеников. Если кат выгоден всем и обеспечивает относительное спокойствие, а по мнению некоторых – социальную апатию, то государство стремится держать под контролем прибыль, приносимую этим бизнесом, а заодно контролировать производителей, которые вынуждены согласовывать свои цены с предложением лицензированных экспортеров. Превращая неформальную экономику в формальную, поддерживая лояльные правящей партии транснациональные компании, оттесняя одни кланы и группы и протезируя другим, режим тем самым обеспечивает определенный политический контроль над периферийной территорией. Однако государственное регулирование сектора ката имеет свои границы, такие как невозможность принудить производителей уничтожить посадки или сохранение эффективных контрабандистских сетей, что в некотором роде говорит о сопротивлении ему, хотя и неорганизованном, на местном уровне.

Примечания

- ¹ Кат (лат. *Catha edulis*) – вечнозелёный кустарник семейства Бересклетовые (*Celastraceae*). Листья ката жуют в качестве легкого стимулятора, близкого по действию на организм к эфедрину и амфетамину. Содержащиеся в листьях растения алкалоиды катинон (норэфедрон, β -ketoamphetamine) и катин (D-норпсевдоэфедрин) внесены в Список III Конвенции по психотропным веществам. В России они внесены как психоактивные вещества в Список I (наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, оборот которых в Российской Федерации запрещён в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации) – прим. перев.
- ² Об истории распространения ката до XIX в. можно прочитать: Getahun, Krikorian 1973; Gebissa 2012. Об истории его производства и потребления в Эфиопии до 1990х гг. см. Gebissa 2004.
- ³ Королевство Эфиопия возникло в горах на северо-западе региона и было христианизировано уже в IV в. На протяжении веков это политическое пространство формировалось за счет завоевания периферийных территорий и христианизации и/или порабощения населяющих их “язычников”. В современной Эфиопии этот исторический, языковой и культурный центр – “амхаро-тыграйское” православно-христианское королевство – служит моделью для национальной идентичности. Некоторые социальные группы (как оромо или сомали), сопротивлявшиеся этой гегемонии культурных ценностей, создали в 1970-х гг. собственные освободительные движения, в числе которых Фронт освобождения оромо. С 1990х гг. в стране установлен режим этнического федерализма с административными границами, проведенными по “этническим” линиям.
- ⁴ По названию книги: Ezekiel Gebissa (2004): *Leaf of Allah, khat and agricultural transformations in Harergé, Eastern Ethiopia, 1875–1991*.
- ⁵ Вот неполный список работ о международной циркуляции кенийского и эфиопского ката начиная с 1990-х гг.: Carrier 2007, 2014; Krikorian 1984; Cassanelli 1986; Anderson et al. 2007; Gebissa 2004, 2012. О йеменском кате см.: Destremau 1987, 1990a, 1990b; Weir 1985
- ⁶ См., напр., публикацию, озаглавленную “Африканский наркотик доставляли по почте” (Lenglet 2020). В Европе кат включен в списки запрещенных веществ в следующих странах: Франции (1957); Норвегии (1987); Ирландии (1988); Швеции (1989); Дании (1993); Чешской Республике (2009). Он также запрещен в Саудовской Аравии и в США. Напротив, от разрешен в Израиле, а в Индонезии и большинстве стран Латинской Америки его ввоз и потребление никак не регулируются законодательством.
- ⁷ Цены на него снижаются в сезон дождей, когда урожай более обильный.
- ⁸ В том, что касается причин взрывного роста производства ката и его последствий для села, наш анализ основан главным образом на работах: Gebissa 2004 и Getahun, Krikorian 1973.
- ⁹ Бырр (Br) – денежная единица Эфиопии, пришедшая на смену эфиопскому доллару в 1976 г. Один эфиопский бырр (международный код – ETB) на 1 августа 2021 г. равен 1,63 руб., 0,022 USD, 0,019 Euro (прим. Перев.).
- ¹⁰ По поводу оппозиции “пища – наркотик” см. Gebissa 2010a и Gezon 2012, которые убедительно показывают, что кат является скорее ответом на отсутствие продовольственной безопасности, чем ее причиной.
- ¹¹ Две попытки губернаторов-амхара бороться с катом в провинции Харари потерпели неудачу перед лицом совместных протестов оромо и харари (Gebissa 2004).
- ¹² Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН). Политическая коалиция, сформированная изначально для свержения Менгисту, до сих пор находится у власти. В коалицию входят “этнические” партии: Народный фронт освобождения Тыграй (НФОТ), Демократическая организация народов оромо (ДОНО), Национально-демократическое движение амхара (НДДА) и Южноэфиопское народно-демократическое движение (ЮЭНДД).
- ¹³ О распределении квот, численности работников и прибылях этих компаний см. Anderson et al. 2007; Gebissa 2010b.
- ¹⁴ Перепродавая кат на территории Джибути, компания имеет годовой оборот 32,8 млн долларов.
- ¹⁵ Мабраз – помещение для коллективного употребления ката (прим. перев.).
- ¹⁶ Шуура Исмаил Хан входит в десятку богатейших людей Эфиопии и является самой богатой женщиной в стране. Она управляет компанией, имеющей тысячи сотрудников, множество грузовиков и даже собственные самолеты, и контролирует более 50% рынка ката в Эфиопии, а также является лидером мировых продаж этого продукта (см. 15 of the Richest Ethiopians and their Successful Companies in 2021// <https://allaboutethio.com/15-richest-ethiopians-and-their-successful-companies.html> - прим. перев.).
- ¹⁷ Об импорте ката в Сомалиленд и о кампании “571” см. Hansen 2009, 2010.
- ¹⁸ В регионе Доло Адо расположены пять лагерей беженцев, в основном из соседнего Сомали (UNHCR 2016).

Источники и материалы

- Agricultural Sample Survey 2014–2015 (2007 E.C) Ethiopia, 2015. Central Statistical Agency (CSA) <https://catalog.ihnsn.org/index.php/catalog/7376>
- Banque Mondiale 2011, Rapport No 62823-DJ “Comprendre la dynamique du khat à Djibouti. Aspects sociaux, économiques et de santé”, Mai 2011.
- Hedemann, P. 2016. La reine du khat, “femme d’affaires de l’année” en Ethiopie. <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-afrique/20120101.RUE6779/la-reine-du-khat-femme-d-affaires-de-l-annee-en-ethiopie.html>
- Lenglet, M. 2020. Orne. Ils se faisaient livrer de la drogue africaine par la Poste. *Ouest-France*, 10.03 <https://www.ouest-france.fr/normandie/flers-61100/orne-ils-se-faisaient-livrer-de-la-drogue-africaine-par-la-poste-6773506>
- Spooner, R. 2015. Huge seizure of drug-like plant at Melbourne Airport. *The Age*, November 12 <https://www.theage.com.au/national/victoria/huge-seizure-of-druglike-plant-at-melbourne-airport-20151112-gkxcc4.html>
- UNHCR 2016. UNHCR Ethiopia Factsheet. January 2016 <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/EthiopiaFactSheetJanuary2016.pdf>

Научная литература

- Abbink J., Hagmann T.* (Eds.). Reconfiguring Ethiopia: the politics of authoritarian reform. London: Routledge, 2013.
- Anderson D., Beckerleg S., Hailu D., Klein A.* The Khat Controversy. Stimulating the Debate on Drugs. Oxford: Berg, 2007.
- Ayene M.* The Growth and Transformation Plan: Opportunities, Challenges and Lessons // Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges / Eds. D. Rahmato et al. Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung. 2014. P. 3–30.
- Bach J.-N.* Abyotawi democracy: neither revolutionary nor democratic, a critical review of EPRDF’s conception of revolutionary democracy in post-1991 Ethiopia // *Journal of Eastern African Studies*. 2011. No 5–4. P. 641–663.
- Bayart, J.-F. 2008. Le concept de situation thermidorienne: régimes néo-révolutionnaires et libéralisation économique. *Questions de recherches, CERI, Science Po*, 24.
- Carrier, N.* Kenyan Khat: The Social Life of a Stimulant. Leiden: Brill, 2007.
- Carrier, N.* 2014. A Respectable Chew?: Highs and Lows in the History of Kenyan Khat. Klantschnig, G., Carrier, N., Ambler, C. (Eds.) *Drugs in Africa: Histories and Ethnographies of Use, Trade and Control*, New York: Palgrave Macmillan, 2014, 105–123.
- Cassanelli L.V.* Qat: changes in the production and consumption of a quasi-legal commodity in northeast Africa // *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* / Ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 236–257.
- Dessie G.* Is khat a social ill? Ethical argument about a stimulant among the learned Ethiopians. ASC Working Paper No 108. Leiden: African Studies Centre, 2013.
- Destremau B.* L’or vert du Nord Yémen // *Les Cahiers de l’Orient*. 1987. n° 8–9. P. 253–273.
- Destremau B.* Le qat, planche de salut ou cancer de l’économie yéménite? // *Études Rurales* 1990. n° 117. P. 179–190.
- Destremau B.* Le qat et la “narcotisation” de l’économie yéménite // *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. 1990. n° 55–56. P. 266–284.
- Gebissa E.* Leaf of Allah. Khat & Agricultural Transformation in Harerge, Ethiopia 1875–1991. Oxford: James Currey, 2004.

- Gebissa E. “Scourge of Life or an Economic Lifeline? Public Discourses on Khat (*Catha edulis*) in Ethiopia” // *Substance Use & Misuse*. 2008. No 43. P.784–802.
- Gebissa E. *Khat in Ethiopia. Taking the Place of Food*. Trenton and Asmara: The Red Sea, 2010.
- Gebissa E. *Khat in the Horn of Africa: Historical Perspectives and Current Trends* // *Journal of Ethnopharmacology*. 2010. Vol. 132 (3). P. 607–614.
- Gebissa E. *Khat: is it More Like Coffee or Cocaine? Criminalizing a Commodity, Targeting a Community*, *Sociology Mind*. 2012. No 2 (2). P. 204–212.
- Getahun A., Krikorian A. *Chat: Coffee’s rival from Harar, Ethiopia. I. Botany, cultivation and use* // *Econ Bot*. 1973. n° 27. P. 353–377.
- Gezon, L. *Drug Crops and Food Security: The Effects of Khat on Lives and Livelihoods in Northern Madagascar* // *Culture Agriculture Food and Environment*. 2012. Vol. 34(2). P. 124–135.
- Haile D., Lakew Y. *Khat Chewing Practice and Associated Factors among Adults in Ethiopia: Further Analysis Using the 2011 Demographic and Health Survey* // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(6). e0130460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0130460>.
- Krikorian A. *1984 Kat and its Use: An Historical Perspective”* // *Journal of Ethnopharmacology*. 1984. Vol. 12 (2). P. 115–178.
- Hansen P. *Governing Khat Drugs and Democracy in Somaliland* // *DIIS Working paper*. 2009. Vol. 24.
- Hansen P. *The Ambiguity of Khat in Somaliland* // *Journal of Ethnopharmacology*. 2010. No 132. P. 590–599.
- Lemessa D. *Khat (*Catha edulis*): Botany, Distribution, Cultivation, Usage and Economics in Ethiopia*. UN-Emergencies Unit for Ethiopia Addis Ababa, 2001.
- Lefort R. *Éthiopie: la révolution hérétique*. Paris: Maspero, 1981.
- Lefort, R. 2007. *Powers – menguist – and peasants in rural Ethiopia: the May 2005* // *Elections, Journal of Modern African Studies*. 2007. Vol. 45 (2). P. 253–273.
- Lefort R. *The great Ethiopian land grab: feudalism, Leninism, neo-liberalism... plus ça change* // *OpenDemocracy*. 2011. <https://www.opendemocracy.net/ren%C3%A9-lefort/great-ethiopian-land-grab-feudalism-leninism-neo-liberalism-plus-%C3%A7-change>
- Lesourd C. *Puissance khat. Vie politique d’une plante stimulante*. Paris: PUF, 2019.
- Lesourd C. (à paraître dans *Annales d’Éthiopie*) *Le commerce du khat à Dire Dawa: un pré carré au féminin?* 2021.
- Mains D. *Chewing and Dreaming: Youth, Imagination and the Consumption of Khat in Jimma, Southwestern Ethiopia* // *Taking the place of food. Khat in Ethiopia* / Ed. E. Gebissa. Asmara: The Red Sea Press, 2010.
- Planel S. *La chute d’un Eden éthiopien: Le Wolaita, une campagne en recomposition*. Marseille: IRD, 2008.
- Planel S. *Du bon usage de l’engrais en politique. Introduction à la modernisation agricole en Éthiopie* // *Annales d’Éthiopie*. 2021. No 27. P. 261–281.
- Planel S. *A view of a bureaucratic Developmental State. Local governance and agricultural extension in Ethiopia* // *Journal of Eastern African Studies*. 2014. Vol. 8(3). P. 420–437.
- Planel S. *Le developmental state éthiopien et les paysans pauvres. Économie politique du développement rural par le bas* // *Politique africaine*. 2016. No 142. P. 57–76.
- Planel S., Bridonneau M. *Glocal Ethiopia. Échelles et repositionnements des pouvoirs* // *EchoGéo*. 2015. n° 31. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/14199>; <https://doi.org/10.4000/echogeo.14199>.
- Planel S., Jaglin S. *Échelles: partage des pouvoirs et partage de l’espace* // *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud* / Eds. P. Gervais-Lambony, C. Benit-Gbaffou, A. Musset, J.L. Piermay, S. Plane. *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud*. Paris: Karthala, 2014. P. 27–39.
- Rahmato D. *The Peasant and the State, Studies in Agrarian Change in Ethiopia 1950s–2000s*. Addis Ababa: Addis Ababa University Press, 2009.

- Rahmato D. Land to Investors: Large-Scale Land Transfers in Ethiopia. FSS Policy Debates Series. Vol. 1. Addis Ababa: FSS, 2011.
- Swyngedouw E. Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling // Cambridge Review of International Affairs. 2004. No 17. P. 25–48.
- Tronvoll K., Vaughan S. The Culture of Power in Contemporary Ethiopian Political Life. Stockholm: Sida, 2003.
- Weir S. Qat in Yemen: Consumption and Social Change. London: British Museum Publications, 1985.
- Yeibyio A. F. Development with or without Freedom? // Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges / Eds. D. Rahmato et al. Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung, 2014. P. 67–96.

Research Article

Lesourd, C. From Plantations in East Ethiopia to International Markets: Kat under Control [От плантаций на востоке Эфиопии до международных рынков: кат под контролем]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 31-48 https://doi.org/***** ISSN

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Céline Lesourd | <https://orcid.org/0000-0002-6159-0425> | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | celine.lesourd@gmail.com

Keywords

Ethiopia, Djibouti, Somaliland, Issa, Oromo, Somalis, Amhara, Harari, *catha edulis*, export, glocalization, economic liberalization, drug control, food security.

Abstract

This article is based on the author's fieldwork in Dire Dawa, Awaday, and Harar in eastern Ethiopia from November 2012 through June 2013, in February 2014, and April 2015. It focuses on the effects of the extensive global distribution network of the khat (*catha edulis*) plant and the obstacles encountered along these routes on the sector in which khat is produced and sold. At the center of our analysis is the question of social transformations, generated by globalization, over the course of which this evergreen shrub came to be a link between local and global levels, between plantations and retailers. We must also understand what impact its cultivation and circulation have on the exercise of state power in the eastern margins of the country.

References

- Abbink, J., Hagmann, T. (Eds.). 2013. *Reconfiguring Ethiopia: the politics of authoritarian reform*. London: Routledge.
- Anderson, D., Beckerleg, S., Hailu, D., Klein, A. 2007. *The Khat Controversy. Stimulating the Debate on Drugs*. Oxford: Berg.
- Aynew, M. 2014. The Growth and Transformation Plan: Opportunities, Challenges and Lessons in D. Rahmato et al., *Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges*, Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung: 3–30.
- Bach, J.-N. 2011. Abyotawi democracy: neither revolutionary nor democratic, a critical review of EPRDF's conception of revolutionary democracy in post-1991 Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 5–4: 641–663.
- Bayart, J.-F. 2008. Le concept de situation thermidorienne: régimes néo-révolutionnaires et libéralisation économique [The concept of the Thermidorian situation: neo-revolutionary regimes and economic liberalization]. *Questions de recherches*, CERI, Science Po, 24.
- Carrier, N. 2007. *Kenyan Khat: The Social Life of a Stimulant*. Leiden: Brill.

- Carrier, N. 2014. A Respectable Chew?: Highs and Lows in the History of Kenyan Khat. Klantschnig, G., Carrier, N., Ambler, C. (Eds.) *Drugs in Africa: Histories and Ethnographies of Use, Trade and Control*, New York: Palgrave Macmillan, 2014, 105–123.
- Cassanelli, L.V. 1986. Qat: changes in the production and consumption of a quasi-legal commodity in northeast Africa, in Appadurai A. (ed.), *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 236–257.
- Dessie, G. 2013. Is khat a social ill? Ethical argument about a stimulant among the learned Ethiopians. ASC Working Paper 108. Leiden: African Studies Centre.
- Destremau, B. 1987. L'or vert du Nord Yémen [Green gold from North Yemen], *Les Cahiers de l'Orient*, 8–9: 253–273.
- Destremau, B. 1990a. Le qat, planche de salut ou cancer de l'économie yéménite [Qat, a lifeline or cancer of the Yemeni economy]?, *Études rurales*, 117: 179–190
- Destremau, B. 1990b. Le qat et la “narcotisation” de l'économie yéménite [Qat and the “narcotization” of the Yemeni economy], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 55–56: 266–284.
- Gebissa, E. 2004, *Leaf of Allah. Khat & Agricultural Transformation in Harerge, Ethiopia 1875–1991*. Oxford, James Currey.
- Gebissa, E. 2008, Scourge of Life or an Economic Lifeline? Public Discourses on Khat (*Catha edulis*) in Ethiopia” *Substance Use & Misuse* 43: 784–802
- Gebissa, E. 2010a, *Khat in Ethiopia. Taking the Place of Food*. Trenton and Asmara: The Red Sea.
- Gebissa, E. 2010b. Khat in the Horn of Africa: Historical Perspectives and Current Trends, *Journal of Ethnopharmacology*. 132(3): 607–614
- Gebissa, E. 2012, Khat: is it More Like Coffee or Cocaine? Criminalizing a Commodity, Targeting a Community, *Sociology Mind*, 2 (2): 204–212.
- Getahun, A., Krikorian, A. 1973. Chat: Coffee's rival from Harar, Ethiopia. I. Botany, cultivation and use. *Econ Bot* 27, 353–377.
- Gezon, L. 2012. Drug Crops and Food Security: The Effects of Khat on Lives and Livelihoods in Northern Madagascar, *Culture Agriculture Food and Environment*, 34(2): 124–135.
- Haile, D., Lakew, Y. 2015. Khat Chewing Practice and Associated Factors among Adults in Ethiopia: Further Analysis Using the 2011 Demographic and Health Survey. *PLoS ONE* 10(6): e0130460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0130460>.
- Krikorian, A. 1984 Kat and its Use: An Historical Perspective”, *Journal of Ethnopharmacology* 12(2): 115–178.
- Hansen, P. 2009. Governing Khat Drugs and Democracy in Somaliland. DIIS Working paper, 24.
- Hansen, P. 2010. The Ambiguity of Khat in Somaliland, *Journal of Ethnopharmacology*, 132: 590–599.
- Lemessa, D. 2001. *Khat (Catha edulis): Botany, Distribution, Cultivation, Usage and Economics in Ethiopia*. UN-Emergencies Unit for Ethiopia Addis Ababa.
- Lefort, R. 1981. *Éthiopie: la révolution hérétique* [Ethiopia: the Heretical Revolution]. Paris: Maspéro.
- Lefort, R. 2007. Powers – menguist – and peasants in rural Ethiopia: the May 2005 Elections, *Journal of Modern African Studies*, 45(2): 253–273.
- Lefort, R. 2011. The great Ethiopian land grab: feudalism, Leninism, neo-liberalism... plus ça change, *OpenDemocracy* <https://www.opendemocracy.net/ren%C3%A9-lefort/great-ethiopian-land-grab-feudalism-leninism-neo-liberalism-plus-%C3%A7-change>
- Lesourd, C. 2019. *Puissance khat. Vie politique d'une plante stimulante* [Khat power. Political life of a stimulating plant]. Paris: PUF.
- Lesourd, C. 2021 (à paraître dans Annales d'Éthiopie) Le commerce du khat à Dire Dawa: un pré carré au féminin [The khat trade in Dire Dawa: women's private domain]?

- Mains, D. 2010. Chewing and Dreaming: Youth, Imagination and the Consumption of Khat in Jimma, Southwestern Ethiopia. in Gebissa E. *Taking the place of food. Khat in Ethiopia*. Asmara: The Red Sea Press.
- Planel, S. 2008. La chute d'un Eden éthiopien: Le Wolaita, une campagne en recomposition [The Fall of an Ethiopian Eden: The Wolaita, a Countryside in Recomposition]. Marseille: IRD.
- Planel, S. 2012. Du bon usage de l'engrais en politique. Introduction à la modernisation agricole en Éthiopie [Good Use of Fertilizer in Politics. Introduction to Agricultural Modernization in Ethiopia]. *Annales d'Ethiopie*. 27. 261–281.
- Planel, S. 2014. A view of a bureaucratic Developmental State. Local governance and agricultural extension in Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 8(3): 420–437.
- Planel, S. 2016. Le developmental state éthiopien et les paysans pauvres. Économie politique du développement rural par le bas [The Ethiopian Developmental State and Poor Farmers. A Political Economy of Rural Development from Below], *Politique africaine*, 142: 57–76.
- Planel, S., Bridonneau, M. 2015. Glocal Ethiopia. Échelles et repositionnements des pouvoirs [Glocal Ethiopia. Scales and Repositioning of Powers], *EchoGéo*, 31. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/14199>; <https://doi.org/10.4000/echogeo.14199>
- Planel S., Jaglin S. 2014. Échelles: partage des pouvoirs et partage de l'espace [Scales. Sharing of Powers and Sharing of Space]. in Gervais-Lambony P., Benit-Gbaffou C., Musset A., Piermay J.L., Planel S. (Eds.), *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud* [Spatial Justice and the City: Looking from the South], Paris: Karthala, 27–39.
- Rahmato, D. 2009. *The Peasant and the State, Studies in Agrarian Change in Ethiopia 1950s–2000s*, Addis Ababa University Press.
- Rahmato, D. 2011. Land to Investors: Large-Scale Land Transfers in Ethiopia. *FSS Policy Debates Series*, 1, Addis Ababa: FSS.
- Swyngedouw E. 2004. Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling. *Cambridge Review of International Affairs*, 17, 25–48.
- Tronvoll, K. et Vaughan, S. 2003. *The Culture of Power in Contemporary Ethiopian Political Life*. Stockholm: Sida.
- Weir, S. 1985. *Qat in Yemen: Consumption and Social Change*. London: British Museum Publications.
- Yeibyio, A. F. 2014. Development with or without Freedom? D. Rahmato et al., *Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges*, Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung, 67–96.